

Общество и реформы. ОНТОЛОГИЯ РАЗНООБРАЗИЯ (К ОСМЫСЛЕНИЮ СТАТЬИ 13 КОНСТИТУЦИИ РФ)

Автор: М. А. КРАСНОВ

И сказал Иосафат: нет
ли здесь еще пророка Господня?
спросим и у него.
И сказал царь
Израильский Иосафату: есть
еще один человек, чрез которого
можно спросить Господа: но
**я не люблю его, потому что он
не пророчествует обо мне
доброе, а постоянно
пророчествует худое;** это Михей,
сын Иемвлая. И сказал Иосафат:
не говори так, царь
(2 Пар. 18, 6 - 7).

Во все времена не любили тех, кто имел ценностные приоритеты, мировоззренческие ориентиры, отличные от общепринятых. В лучшем случае их мнение игнорировали, в худшем - с ними расправлялись. Однако своим развитием человечество обязано именно таким "диссидентам", а скорее - тем новым ценностям, идеям, мировоззрениям, которые они несли.

Насколько наше общество *в своем глубинном сознании* принимает порядок, при котором свободно могут циркулировать разные идеи, и не просто циркулировать, но и быть факторами реальной политики? А если более конкретно, то насколько мысль, скупко сформулированная в ст. 13 Конституции РФ, - *о том, что в России признаются идеологическое и политическое многообразие*, - близка общественному сознанию и, главное, насколько наши институциональные условия приспособлены для этого?

Сразу же скажу, что *не веду речь о безбрежном плюрализме*. Наоборот, в дискуссиях об экстремизме я занимал и занимаю достаточно радикальную позицию (многими не разделяемую), которая сводится к тому, что опасны не столько сами экстремистские насильственные действия, сколько питающие их идеи. Это не означает, что не должно быть государственной реакции на насильственные действия. Это означает, что государство обязано еще и правовым образом квалифицировать сами экстремистские идеи.

К сожалению, за короткое время само понятие "экстремизм" у нас оказалось девальвировано. Во-первых, потому, что законодательно (Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25 июля 2002 г.) были смешаны собственно идеи и основанные на них действия. А во-вторых, потому, что в понятие "экстремизм" власти склонны включать и просто радикальные оппозиционные идеи.

Краснов Михаил Александрович - доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права факультета права Государственного университета - Высшей школы экономики.

На самом же деле экстремизм - это *всегда дух ненависти и злобы, дух агрессии и презрения к человеку*; наконец, отличительной чертой любого экстремистского учения является *враждебность ко всем иным идеям*. Какой бы аспект экстремизма ни взять, мы всегда обнаружим в нем черты *ненависти и безоппонентности*. Именно поэтому сами **такие идеи в правовом государстве должны быть выведены за рамки явления, называемого плюрализмом**.

Чем же, спросите вы, при таком восприятии плюрализма *правовое государство (если отвлечься сейчас от иных его параметров) будет отличаться от государства тоталитарного*? Если и там и там должны быть установлены идейные пределы, неужели отличаются эти типы государств лишь степенью широты дозволенного свободомыслия? Конечно же, нет. Отличие тут принципиальное. В чем же оно? Наиболее распространенная современная доктрина полагает, что демократия (и ее имманентная черта - плюрализм) отличается вообще *отсутствием идейных пределов*. Для иллюстрации приведу ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, названную "Свобода мысли, совести и религии": "1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

2. Свобода исповедовать религию или придерживаться убеждений подлежит *лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц* (курсив мой. - М. К.)".

В этом и состоит суть секулярного понимания прав человека. И оно несет огромную угрозу самой категории прав человека. Когда категории гуманизма, прав человека, достоинства личности и т.д. отрываются от своей естественной - Небесной - первоосновы, когда игнорируется постулат, что Сам Бог является источником естественного права, происходит, говоря языком физики, перемена полюсов. Ведь в естественном праве **абсолютны не сами правовые категории. Абсолютен лишь их критерий** - соответствие божественным императивам. А согласно современной доктрине, наоборот, моральный критерий стал релятивистским, а правовые категории, прежде всего категория прав человека, - абсолютизированы. Неудивительно, что многие инстинктивно отвергают такую абсолютизацию. Но вместе с нею (где-то более явно, где-то подспудно) отвергаются и сами благородные идеи, которые были предназначены Богом для возвышения и одухотворения человеческого бытия. В итоге постепенно девальвируются сами правовые ценности, но нет пока признаков их переосмысления на основе обращения к подлинному критерию их цивилизационной применимости.

Именно поэтому я веду речь о необходимости пределов плюрализма, что совершенно не противоречит идее правового государства. Поскольку сама идея правового государства принципиально отвечает естественному праву, постольку такое государство должно оберегать себя от разрушения, проводя границу между светом и тьмой, между добром и злом, между достоинством и унижением. Другими словами, пределы плюрализма определяются не секулярными, а духовными критериями.

Но для того чтобы соответствующим образом сформулировать такие критерии, а главное - опираться на них в правоприменительной (особенно, судебной) практике, необходимо стоять на твердой мировоззренческой почве. А вот ее у нас сегодня нет. После долгих лет монополии одной идеологии наше общество не совершило главного - идейно-нравственной и исторической самоидентификации. Мировоззренческий релятивизм привел к исчезновению основы, на которой только и возможна как гражданская, так и юридическая квалификация идей ненависти и безоппонентности. Своеобразным индикатором отсутствия такой самоидентификации является ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, которая призвана служить рамками идеологического и политического плюрализма. В ней "запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и

нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни".

Таким образом, в данной формулировке, во-первых, явные антиконституционные действия смешаны с антиконституционными идеями, что и теоретически, и фактически (достаточно проанализировать правоприменительную практику) существенно принижает опасность распространения экстремистских идей. Во-вторых, понятие "разжигание розни", опять-таки, как свидетельствует практика, настолько аморфно и субъективно, что может применяться избирательно. Наконец, в-третьих, ни слова не говорится об исключении из легальной системы плюрализма идеологий, которые явно или скрыто направлены на создание безоппонентного строя.

В качестве примера гораздо более четкого понимания пределов идейного и политического плюрализма можно привести тоже ст. 13, но уже Конституции Республики Польша: "Запрещается существование политических партий и иных организаций, обращающихся в своих программах к тоталитарным методам и практике деятельности нацизма, фашизма и коммунизма, а также тех, программа или деятельность которых предполагает или допускает расовую и национальную ненависть, применение насилия с целью захвата власти или влияния на политику государства либо предусматривает сокрытие в тайне структур или членства" [Конституции... 2001, с. 688]. Несложно видеть, что Польша, во всяком случае официально, определила место современных тоталитарных идеологий и практик за пределами легальной плюралистской системы.

К несчастью, Россия в лице и ее элиты, и общества в целом, не осознает важности оценки своего тоталитарного прошлого. Оценки, необходимой отнюдь не для "сведения счетов", а для формирования твердой мировоззренческой основы для всего последующего развития. Интересно, что даже либеральные политики и эксперты (видимо, в пылу политической борьбы) не склонны придавать онтологическое значение как понятию плюрализма, так и его рамок. Приведу довольно распространенную позицию: "Проголосуют граждане за национализм и большевизм - значит, такие у нас избиратели и так мы с ними работали. Главное, чтобы выборы были, и чтобы их победитель не был заранее назначен. В том числе и потому, что только в этих условиях имеет шансы либеральный политический проект" [Осовцов, 2005].

Возможно, именно эта неразличимость понятий добра и зла отталкивает от демократии очень многих и фактически формирует тягу к единовластию, которое, как им представляется, уберет мир от легитимирующегося зла. Но таким же злом является и сам *отказ от плюрализма, понимаемого не только как легализация разнообразия идей, но и как включение носителей таких идей в систему политической власти*.

Зло не терпит любой инаковости, инакомыслия, а следовательно, оппонентов. Оно, если можно так сказать, "заиклено" на единстве. В нем оно видит самостоятельную и непреложную ценность, гарантию от распада. Но в реальности противоположностью единства является отнюдь не плюрализм, а именно распад, что и подтверждает новейшая, в том числе отечественная, история. Сказанное избавляет меня всякий раз оговаривать, что слова о ценностном, идейном, мировоззренческом разнообразии не относятся к идеям, ценностям, мировоззрениям, претендующим на то, чтобы быть доминирующими или вообще единственными в обществе.

Не хотелось бы, однако, быть неправильно понятым: вовсе не единство как таковое - предмет критики в настоящей статье. Вообще единство как единство телеологическое, скорее, как братство - естественная людская потребность. Святитель Василий Великий писал: "Представь себе единоклубный подвиг семи Макавеев, и найдешь, что в согласии подвижников еще более горячности. О них-то пророк Давид восклицал песенно, говоря: Как хорошо и как приятно жить братьям вместе (Пс. 132, 1), словом, *хорошо* изображая достохвальность жизни, а словом *приятно* - веселье, производимое единомыслием и согласием" [Святитель... 2003, с. 653]. Но как бы нам ни хотелось достичь такого состояния, сама история давно показала **утопичность "единого человеческого общежития"**.

Вот пример поистине братской жизни - первые христианские общины. В Книге Деяний святых Апостолов мы находим замечательные слова: "У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду" (Деян. 4, 32; 34 - 35). Но ведь даже среди членов этих братских (замечу - добровольных!) общин находились люди, не желавшие расстаться с привычными земными стереотипами. Священное Писание говорит: "Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, **утаил из цены** (выделено мною. - М. К.), с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего *ты допустил* сатане вложить в сердце твое *мысль* солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человеку, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это" (Деян. 5,1 - 5).

Последующая история христианской Церкви с ее расколами и ересями еще более ярко демонстрирует, как человеческие слабости (грехи) разъединяли даже такое нерушимое единство, как единство во Христе. Что же говорить тогда о светском сообществе?

Жаль, конечно, но по-иному у людей не складывается. И в этом кроется принципиальный вывод: **если ценностное, мировоззренческое единство недостижимо в земной жизни, то любые попытки строить систему, основанную на презумпции такого единства, неизбежно ведут к духовному и физическому насилию.**

* * *

Казалось бы, российское общество, пережив все ужасы насильственного единомыслия и единовластия и потому институционализовав в своей Конституции отказ от такой парадигмы развития (через принципы разделения властей - ст. 10, идеологического и политического многообразия - ст. 13), пришло к пониманию ценности разнообразия. К несчастью, однако, это, как и многое другое в нашей новейшей истории, оказалось иллюзией, ибо как раз данная идея не пронизала глубинное сознание народа и "элиты". Наше общество отнюдь не переосмыслило философию публичной жизни, не пришло к выводу о необходимости не просто легализации разнообразия, в том числе и ценностного, но и признания его желательности; **не перешло от идеологии "вождей" к идеологии "идей".**

Я, однако, тем самым нисколько не утверждаю, что следует игнорировать личные качества лидеров. Наоборот, очень важно, кто именно является носителем конкретных идей. Как говорил Н. Гоголь, "беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах" [Гоголь, 1986, с. 188]. Поэтому веду речь о другом - о том, что большинство из нас связывает будущее не с утверждением в стране определенных принципов, правил, вообще определенной системы политической жизни, а с личностью лидера. О причинах этого не стану затевать дискуссию и ограничусь лишь гипотезой: персонализм в нашем сознании - не свойство национального сознания, а следствие отсутствия в истории периода не персоналистского (не единовластного) правления. Национальное сознание просто вынуждено было адаптироваться к персоналистской системе и привыкло мыслить лишь в ее рамках. Поэтому не стоит удивляться ответам, полученным "Левада-Центром" в октябре 2005 г. на вопрос "Какой президент нужен сейчас России?" (<http://www.levada.ru/press/2005110901.html>). Вариант "Лидер, способный твердой рукой направлять работу правительства, парламента, судебных органов, региональных органов власти" выбрали 51%; вариант "Лидер, строго соблюдающий Конституцию и умеющий сотрудничать с другими государственными органами на законных основаниях" - 44% и 5% затруднились ответить.

Любопытно, однако, даже не то, что сама постановка данного социологического вопроса связана именно с *credo* лидера, а то, что в ответах на самом деле нет существенной альтернативы. Даже приход президента, "строго соблюдающего Конституцию и умеющего сотрудничать с другими государственными органами на законных основаниях", отнюдь не служит еще гарантией **от паралича представительства**¹, то есть такого состояния политической системы, при котором разнообразные интересы, ценности, мировоззренческие взгляды, мнения, циркулирующие в обществе: а) не имеют возможности быть выражены в таком же объеме, по тем же коммуникационным каналам и в тех же формах, какие предоставлены официальным позициям или позициям, допускаемым властями; б) легально не представлены в публичной политике либо не учитываются при выработке тех или иных государственных решений (в том числе законодательных актов).

Если обозреть нашу нынешнюю политическую систему, можно увидеть, что философия минимизации представительства идей как проявление философии "единства" явственно пробила себе дорогу (она, кстати, пыталась пробиться еще при Президенте РФ Б. Ельцине, но в силу ряда причин попытки оказались неудачными). Об исповедании этой философии свидетельствуют, в частности, ряд изменений законодательства, в котором просматривается стремление укрупнить "политических игроков". Приведу примеры.

Федеральный закон "О политических партиях" в редакции от 20 декабря 2004 г. N 168-ФЗ устанавливает, что в "политической партии должно состоять не менее 50 тыс. членов политической партии" (п. 2 ст. 3)². Новый Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 18 мая 2005 г. N 51-ФЗ примечателен не тем, что установил полностью пропорциональную избирательную систему на федеральных парламентских выборах, а тем, что повысил минимальный предел для избрания в Государственную думу с 5 до 7% (см., например, п. 7 ст. 82). Причем в некоторых субъектах Федерации такой порог повышен до 10%.

Федеральный закон "О выборах Президента Российской Федерации" в редакции от 21 июля 2005 г. N 93-ФЗ отныне устанавливает, что за исключением партий, которые имеют представительство в Государственной думе, остальные партии и самовыдвиженцы должны собрать не менее 2 млн. подписей граждан (ст. 36).

Понятно, что все эти новеллы направлены на воспрепятствование представительству так называемых "мелких" партий, а соответственно, "непопулярных" (считающихся маргинальными) идей, ценностей, мнений. Менее понятно, чем вызвана данная тенденция, а главное - верна ли она.

* * *

Зададимся принципиальным вопросом: а собственно, **полезно ли для нормальной жизни страны обеспечение представительства в виде "ценностного винегрета"**? Не правильнее ли, пусть не репрессивными, а регулятивными способами ограничить политическое и даже идейное присутствие в публичной жизни только крупных субъектов, а на остальные ("мелкие") просто не обращать внимания? Полезно ли такое понимание политической системы? Попробую взвесить аргументы "за" и "против" философии ограниченного представительства.

Конечно, ни один из приведенных аргументов и контраргументов не является абсолютным, а их сопоставление неизбежно несет в себе долю авторского субъективизма

¹ Хотя точнее было бы назвать это явление инфарктом, ибо именно при инфаркте миокарда происходит острая закупорка просвета артерии тромбом или сужение ее просвета набухшей атеросклеротической бляшкой. Но слово "инфаркт" все-таки пока не применяется к социальным и политическим явлениям.

² Этот и другие нормативные акты в настоящей работе проанализированы с помощью справочно-поисковой системы "Консультант Плюс".

Сопоставление достоинств и недостатков узкого представительства

"За"	"Против"
Облегчается <i>проблема выбора</i> избирателями "своей" партии. Гражданам гораздо легче ориентироваться, имея перед глазами программы и персональный состав кандидатов двух-трех партий, нежели 10 - 20, а тем более 30 - 40	Резко сужается свобода идеологического, политического и иного выбора. Среди партий, которые представляют интересы большинства, наверняка не окажется таких, за представителей которых многим захочется голосовать. И это при том, что некоторые "крупные партии" являются искусственным детищем бюрократии. Таких избирателей, не находящихся в бюллетенях "своих" партий, в соответствии с Законом о выборах депутатов Госдумы, может оказаться до 40%. Меньшинству остается либо прибегать к конформному голосованию, либо к абсентеизму, либо голосовать "против всех" (и то лишь - пока, поскольку все чаще поднимается вопрос об отмене такой графы в бюллетенях)
Облегчается (ускоряется) процедура согласования позиций <i>для принятия законов</i> в парламенте	Облегчение законодательного процесса чревато: во-первых, принятием не очень качественных законов как с формально-юридической, так и "содержательной" сторон (беспрецедентное обилие законов "о внесении изменений и дополнений" - тому одно из свидетельств); во-вторых, отсутствием учета интересов довольно больших групп населения; в-третьих, облегчением условий для незаконного лоббизма, в том числе со стороны государственных ведомств. Наконец, в-четвертых, законодательный процесс - это не "утверждение" с небольшими поправками мнения доминирующей силы, а сложный процесс выплавки политического компромисса, материализуемого в законе
Чем меньше в публичной сфере циркулирует позиций, ценностей, мировоззренческих различий, <i>чем устойчивее политическая система</i> и социально-политическая ситуация в целом. Страна развивается гораздо стабильнее	Преимущества стабильности политической системы и развития страны оборачиваются угасанием политической жизни и стагнацией в развитии. Довлеющая ценность стабильности подавляет ценность инноваций и даже рождает страх перед ними. Политическая стагнация приводит к затуханию общественной мысли и экономическому застою. Отсутствие политической конкуренции компенсируется конкурентными интригами кланов внутри бюрократии. Такие условия наиболее благоприятны для расцвета коррупции. Впрочем, даже не это страшно. Бюрократия, лишенная всякого контроля (внутрикорпоративный, то есть собственно бюрократический контроль совершенно не эффективен, а потому его нельзя принимать во внимание), активно разлагается и разлагает весь государственный аппарат, в том числе основу всякой государственности - аппарат правового принуждения (одна из трагических иллюстраций - коррупционные обстоятельства, сопутствующие террористическим актам). Такой бесконтрольности нет даже в тоталитарном государстве, поскольку там, во-первых, действует сильнейший мотив страха, а во-вторых, существует некая внешняя инстанция контроля - как правило, "партийно-идеологические" структуры, сопровождающие всю управленческую систему

"За"	"Против"
Отсечение от публичного представительства интересов и ценностей, имеющих немногочисленных сторонников, <i>облегчает гражданский контроль</i> за правящей политической силой. Крупным оппозиционным партиям легче контролировать своих политических противников, вскрывать нарушения со стороны их представителей в государственном аппарате	Наоборот, в таких условиях гражданский контроль (прежде всего, через парламентские институты и СМИ) становится менее эффективным, так как облегчаются условия для сговора элит (наподобие сговора мажоритарных акционеров в ущерб миноритарным). Кроме того, небольшие партии способны обеспечить такие аспекты контроля, которые могут оказаться недоступными или не приходящими в голову крупным
В ситуации, когда (и если) у нас будет формироваться политически ответственное правительство парламентского большинства, наличие небольших партий, представленных в Государственной думе, не только <i>затруднит процесс формирования кабинета</i> , но и, скорее всего, потребует коалиционного правительства, а значит, сделает более расплывчатым социально-экономический и политический курс основной правительственной партии	Действительно, такие негативные проявления реальны. Но преимущества представляются более весомыми. Во-первых, в обществе будет развиваться культура диалога, компромиссов и разрешения конфликтов. Во-вторых, необходимость учитывать "миноритарные" интересы и ценности, возможно, и обусловит проигрыш во времени, но зато соответствующая политика будет обеспечена большей гражданской поддержкой и уберет правительство от резких движений. В-третьих, блокирование крупных партий с небольшими предпочтительнее, нежели коалиция двух и более крупных партий. Как раз в последнем случае политика становится более расплывчатой, а сам кабинет - менее устойчивым в случае выхода из коалиции одного из крупных партнеров

(что поделаешь - в социальных науках критерием истины действительно может быть лишь практика, а не чье-то мнение). Однако высказанными суждениями, носящими, так сказать, "технологический" характер, не исчерпываются доказательства необходимости сохранять и даже лелеять этот самый "ценностный винегрет". Поэтому попробую привести и более принципиальные соображения в его пользу.

* * *

В голове у каждого человека всегда есть определенный набор представлений о мире, о себе в мире, наконец, идеальный образ этого мира. Люди могут не сознавать, что руководствуются как в частной, так и в публичной жизни теми или иными ценностями, но именно последние мотивируют наши решения и действия, поступки, определяют поведение.

Материалисты не очень жалуют категорию "ценность", предпочитая ей "интерес", который стоит ближе к потребности, нежели к идее: как говорил французский материалист К. А. Гельвеции, один из первых внедривший понятие интереса в научный оборот, "голод и любовь правят миром". Интерес, однако, лишен той "святости", возвышенности, присущей понятию ценности (хотя отнюдь не все ценности святы). Впрочем, не буду вступать в полемику; скажу лишь, что с трудом представляю, как за интерес можно отдать свою жизнь ("погиб, отдав жизнь за интересы рабочего класса", - всего лишь пропагандистское клише). **Свободой и жизнью можно пожертвовать за идею, за те самые ценности, но никак не за интересы.**

Сказанное не означает, что я вообще не признаю никаких материалистических факторов мотивации. Да и интерес, в конце концов, можно представить как стремление политически отстаивать определенные ценности. Поэтому мой предыдущий пассаж вызван

не отрицанием категории интереса, а желанием высветить важность идеалистического фактора" в политической жизни. Причем большая ошибка думать, что этот фактор существен лишь для элиты. Он важен для всех, хотя и не все понимают, что подавленные, отвергнутые властью или большинством общества ценности, идеи, мировоззренческие позиции являются, в конечном итоге, основой и физического угнетения, институционализированной социальной несправедливости.

Как формируются разные наборы ценностных предпочтений, почему даже люди одного воспитания, уровня образования, круга чтения нередко встают по разные стороны духовных или политических баррикад - великая тайна Создателя, наделившего нас свободой воли. Но дар свободы не означает создания условий для десоциализации человека. Ценностные различия в обществе компенсируются тем, что для обычного человека редка какая-то одна ценность, обычно в голове есть *"ценностный букет"*. Другое дело, что в этих *"букетах"* существуют *"доминантные цветы"*. Собственно, из-за них-то общество и разнородно.

Весь вопрос в том, как относиться к этой разнородности, и вообще - *являются ли одни легально представленные в политике доминантные ценности неодолимым препятствием для существования других и, тем более, для возможности строить государственную политику с учетом всех представленных ценностей!* Полагаю, что здесь нет никакого принципиального препятствия. При всей кажущейся противоположности некоторых ценностей, они вполне уживаются друг с другом даже в одних и тех же людях (российские социологические исследования показывают, что совмещаются порой трудносовместимые ценности), и речь на самом деле идет лишь об акцентах в мотивации поведения. Например, если для кого-то высоко ценима свобода, мы же не говорим, что данный индивид - *apriori* анархист. А того, кто млеет от величия державы, точно так же будет глупо считать поклонником тоталитаризма и ненавистником ценности человеческого достоинства.

Вовсе не сами *"ценностные букеты"* обуславливают *"войну всех против всех"*, а также общественное и государственное устройство, в том числе институциональное, при котором *"чуждые господствующему мировоззрению"* идеи, позиции и прочее угнетаются, подавляются или, как минимум, никак не воспринимаются и не учитываются, то есть не представлены в политике.

В любой ценности, если только она не основана на оправдании зла, порока, всегда есть рациональное зерно. Однако не так уж много людей, способных с пониманием воспринимать ценности, кажущиеся им чуждыми. В человеке, видимо, заложено *стремление к гомогенности*. Но в земном обществе такой гомогенности не бывает. Поэтому в истории государства испокон веков существует *противоречие между субъективным стремлением к единству и объективной гетерогенностью общества* (гетерогенность эта обусловлена даже не сословными, религиозными, этническими и прочими различиями, а различиями именно ценностных предпочтений, которые, правда, в традиционном обществе проявляют себя гораздо слабее). Об опасности стремления к гомогенности говорил еще Аристотель: *"Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи - отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек, нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство"* [Аристотель, 2003, с. 337].

Фактически Аристотель говорил об опасности того, что сегодня мы называем государством-корпорацией. Подобное государство видит себя исключительно вертикально построенным и в пределе стремится не только к моноцентризму политическому и административному, но и к *моноцентризму идейному*. Такая разновидность государственности, как показывает опыт, исторически не обладает живучестью, но для поколения или нескольких поколений людей, оказывающихся под пятой, а затем и под обломками *"единого"* государства, осознаваемая *postfactum* его историческая бесперспективность - слабое утешение.

Тем не менее названное противоречие разрешалось обычно в пользу единства. Долгие тысячелетия многочисленные бунты, восстания, перевороты не покушались на саму идею государственного монизма. Такой практический пересмотр начался лишь с того периода, который именуется в истории эпохой буржуазно-демократических революций. Не фазу, но к нынешнему времени в евроатлантической цивилизации идейная и даже мировоззренческая разнородность перестала рассматриваться как порок, требующий истребления. Возрожденная в эпоху Просвещения идея естественных прав человека логично преобразовалась в требования политического равноправия и плюрализма. Эти требования объективно соответствовали в наибольшей степени той группе людей (классу), кого принято называть буржуазией, поэтому логично говорить о положительной роли ее социального эгоизма ("хотим для себя, но пользуются все").

Соответственно этим идеям изменилась и сама *конструкция публичной власти*: тысячелетиями она была приспособляема для правления, исходящего из наличия ценностно гомогенного общества, и только с появлением демократических (в современном, а не в древнем или средневековом вариантах) принципов ее организации стало *институционально возможно учитывать гетерогенность*. Как верно подмечено в литературе, *"демократия предполагает плюрализм"* (курсив мой. - М. К.) - различные, порой несовместимые и конфликтующие политические, экономические, этические, философские, религиозные и тому подобные идеи, ценности, предпочтения и целостные доктрины, разделяемые теми или другими социальными группами. Причем *плюралистичность общества* - не исторический реликт, который со временем может быть преодолен, напротив, по мере развития демократии она *возрастает*" [Варламова, Пахоленко, 1997, с. 13]. Некоторые государства даже официально признают плюрализм в качестве одной из главных характеристик своего конституционного строя. Так, в § 1 Формы правления (составной части Конституции Швеции) от 27 февраля 1974 г. сказано: "Правление шведского народа основывается на свободном формировании мнений и на всеобщем и равном избирательном праве", а в ст. 1 Конституции Испании от 27 декабря 1978 г. закреплено, что "Испания конституируется как правовое демократическое социальное государство, которое провозглашает *высшими ценностями* своего правопорядка справедливость, равенство и политический плюрализм".

В то же время стоит заметить: понятие "демократия" стало настолько широким, размытым и путаным, что порой дает основания усомниться в его операциональности. Действительно, что сегодня понимается под "демократией", под "демократическим обществом" (а такая терминология применяется, например, в международных актах о правах человека)? Отсутствие сословности, всеобщее и равное избирательное право? Политическая и идеологическая свобода, плюрализм, политическая конкуренция? Равенство всех перед законом? Признание естественных прав человека? Разделение властей и система народного представительства? Принадлежность власти народу? Или все это вместе? А если так, то можно ли говорить о демократии при отсутствии хотя бы одного элемента?

Даже если бы я стал рассуждать на эту тему, вряд ли удалось добавить новое знание. Эти вопросы и без того часто поднимаются и обсуждаются, но пока трудно сказать, что выработана четкая дефиниция демократии. С одной стороны (в социологическом и конкретно-политическом смысле), это неплохо, поскольку позволяет видеть в "демократии" некую морально-политическую ценность. Однако, с другой стороны, как раз перевод "демократии" в категорию самостоятельных ценностей создает при некоторых условиях довольно мощную оппозицию.

Так, долгое время демократию связывали большей частью с *республиканской формой правления*, противопоставляя ей монархию. Однако "демократия" и "монархия" - не только не логическая антиномия, но и вполне приемлемый симбиоз, поскольку *конституционная монархия* служит наилучшим способом обеспечения ценностей, которые принято считать демократическими³. В цитируемой работе Н. Варламовой и

³ Несколько лет назад я предпринял попытку доказать это [Краснов, 1998; 2000].

Н. Пахоленко со ссылкой на исследование М. Липсета (1972 г.) говорится: "Любопытно, что из 12 - 13 существующих в мире наиболее стабильных демократий десять - монархии. Благодаря сохранению монархических институтов и традиций утвердившийся там новый государственный строй сумел обеспечить достаточно лояльное отношение к себе со стороны бывшей аристократии и чиновничьих кругов" [Варламова, Пахоленко, 1997, с. 32].

Другие видят (видели) дефектность демократии во *всеобщности выборов*. Такую позицию, например, занимал блестящий мыслитель и правовед И. Ильин. Трактую демократию, исходя из ее буквального смысла (как власть народа), он справедливо опасался перерастания ее в нравственно неразвитом, дезориентированном или надломленном обществе в охлократию (власть черни, толпы). Ильин видел ценность государства вовсе не в самом его существовании, а в исключительной способности именно государства сохранить свободу граждан и для граждан. "Объективная природа государства, - писал он, - определяется его высшей целью, его единым и неизменным заданием. Это задание состоит в ограждении и организации жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу. Ограждение духа состоит в обеспечении всему народу и каждому индивидууму его естественного права на самобытное определение себя в жизни, т.е. права *на жизнь* и, притом, на *достойную* жизнь, внешне-свободную и внутренне-самостоятельную. Организация такого сожительства людей, притом, на основах *права и власти*, составляет ту единую, политическую цель, которой служит государство" [Ильин, 1993, с. 112].

Демократия же, по Ильину, есть подчиненное государственности понятие: "'Государство" есть родовое понятие; "демократическое государство" - видовое. Вид, теряющий признаки рода, есть *nonsens*; государство, пытающееся быть демократией ценою своего государственного бытия, - есть нелепое и обреченное явление. Иными словами: если вторжение широких масс в политику разрушает государство, то государство или погибнет, или найдет в себе силы остановить это вторжение и положить ему конец. Демократия, как начало антигосударственное, не имеет ни смысла, ни оправдания; она есть *охлократия*, т.е. правление черни и этим уже предначертана ее судьба". Отсюда Ильин выводил необходимость *аристократии*, то есть правления лучших (разумеется, не по рождению, а по уровню нравственного и интеллектуального развития), которая только и может служить *общему делу власти, права и духа* [Ильин, 1993, с. 131].

Однако, если разобраться, и тут нет отрицания демократии. Охлократия действительно губительна для государства. А опасность охлократии в условиях *всеобщего избирательного права*, действующего процесса, вполне реальна. Показательно, например, что В. Мау, которого никто не рискнет упрекнуть в антидемократизме, еще в 1999 г., хотя и робко (это понятно, ибо его фазу бы обвинили в покушении "на важнейшее завоевание демократии"), но обоснованно поставил проблему целесообразности некоторого временного ограничения всеобщего избирательного права в России [Мау, 1999]. Можно спорить с предложенными им критериями ограничения ("цензами"), но сама постановка проблемы лично мне не кажется "антидемократическим кощунством".

* * *

Оперирование широким понятием "демократия" в обществе, не имеющем демократических традиций (прежде всего традиций контроля над властными институтами) и, наоборот, впитавшем в себя паттерны традиционалистского понимания власти, зачастую приводит к пренебрежению *инструментальным* аспектом демократии. И это в России, да и почти на всем постсоветском пространстве, проявилось в полном объеме.

Мы будто получили новые кубики, о которых давно мечтали, - ярких цветов, разнообразных форм, но принялись строить из них все тот же барак, то есть начали обустривать политическое пространство формально на основе новых (по сравнению с советскими) понятий - демократия, правовое государство, разделение властей, плюрализм, свобода личности и прочее, но сохранив совершенно архаическое - персоналистское,

моносубъектное понимание сущности власти. В чем причины этого? Их можно поделить на ситуативные и ментальные. К ситуативным я бы отнес следующие.

Во-первых, не следует забывать, что Конституция РФ 1993 г. рождалась в ходе *революционной* смены общественного строя (пусть даже в то время о таком характере событий никто не хотел говорить). А в период всякой революции общество неизбежно поляризуется; политическая жизнь практически лишается оттенков и приобретает характер антиномии: "за - против", "победа - поражение". Таким образом, неудивительно, что при создании Конституции РФ полностью реализовала себя формула Ф. Лассалья, согласно которой "конституция - это существующие в стране фактические отношения силы" (выделено мною. - М. К.) [Лассаль, 1905, с. 18]. Формула верная. Но *только для конституций, создаваемых в периоды революций*. Такие конституции либо недолговечны, либо искажают все последующее развитие государственности. Вот и на нынешней Конституции РФ, а главное, на нашем только-только рождающемся конституционном строе отчетливо сказалась "родовая травма"⁴.

Нельзя, конечно, сказать, что в российской Конституции полностью проявил себя принцип "победителю достается все". Некоторый баланс между властными институтами все же был установлен. Однако весьма и весьма относительный, поскольку появился *не как итог компромисса* между политическими противниками, а как отражение собственных взглядов разработчиков, понимавших, что принцип полновластия Советов должен быть сменен принципом разделения властей. Этот принцип действительно появился, то есть был декларирован и реализован в конструкции власти. Но реализован в самых общих чертах - без сбалансированной системы сдержек и противовесов. И этот дисбаланс естественным образом привел вновь к моноцентризму власти.

Во-вторых, необходимость проведения глубоких преобразований всегда требует *национального лидера*. А этот лидер, в свою очередь, испытывает потребность в формализации (легализации) своего ведущего положения и в максимально широких полномочиях. И этот фактор также сказался как на самом выборе модели (формы) правления, так и на конфигурации властных прерогатив.

Есть и две ментальные причины.

Первую из них можно охарактеризовать почти пророческими словами Ильина, сказанными им в 1938 г.: "Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. *Буржуазная особь* подорвана у нас революцией; мы получим в наследство *пролетаризованную особь*, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел - строить государственную форму на изволении массы значит готовить *правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны с финансированием их из-за границы*" [Ильин, 1996, с. 45 - 46]. Вот такие мы - "измученные, ожесточенные и деморализованные" - принялись возводить "демократическое здание". Стоит ли удивляться, каким оно у нас получается.

Это предупреждение перекликается с другим, высказанным П. Новгородцевым еще в 1923 г. Он писал: "Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается

⁴ Очень метко подметил известный журналист С. Бунтман: "Как Лев Толстой в самом начале "Анны Карениной" бросает человека под поезд, тем предупреждая о финале, так и события 1993 года показали, к чему ведет в политической схватке победа одной из сторон. Победивший (не на выборах, а в революционной конфронтации) вешает на себя все несбывшиеся и эфемерные надежды другой стороны и никогда не добивается согласия в обществе. Победивший, несмотря на неудачи, вырезает все свои планы по удачному, на его взгляд, лекалу. Так, хитроумие и нетерпение девяносто третьего породили план девяносто шестого. Хотя и был отвергнут топорный вариант - роспуск Думы, отмена президентских выборов, - ставка была сделана на победу любой ценой, пускай тогда и в рамках избирательного процесса. Девяносто шестой год родил девяносто девятый, и тогда уже помимо обкатанных технологий возникла методика подстановки наследника. Дальнейшее - следствие" [Бунтман, 2005].

не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма" [Новгородцев, 1995, с. 395 - 396].

Вторая причина связана с предыдущей: после десятилетий массовой и непрестанной промывки мозгов даже в самых продвинутых головах царил (да и до сих пор нередко царит) марксистский взгляд на мир, марксистская концепция истории. А эта концепция, как известно, исходит из того, что двигателем исторического прогресса является борьба классов. Сама эта борьба в глазах марксизма вызывается сугубо материалистическими причинами - противоречиями между производительными силами и производственными отношениями. Так, в фундаментальном труде советских юристов "Марксистско-ленинская общая теория государства и права" (1971 г.) говорилось: "Переход от одной общественно-экономической формации к другой происходит **объективно, в результате революционного ниспровержения** (выделено мною. - М. К.) отживших форм экономических отношений, подготовленного предшествующим развитием производительных сил, и замены старого экономического строя новым" [Марксистско-ленинская... 1971, с. 11].

Марксистская "объективность" зиждется на вульгарном материализме. В одной ранней совместной работе (1845 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс откровенно писали: "Это (материалистическое. - М. К.) понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе ту или иную категорию, а остается все время на *почве* действительной истории, объясняет **не практику из идей, а идейные образования из материальной практики** и в силу этого приходит также к тому выводу, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой..., а лишь **практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор**, - что не критика, а **революция является движущей силой истории** (выделено мною. - М. К.), а также религии, философии и прочей теории" [Маркс, Энгельс, 1980, с. 33]. Этому ясно выраженному презрению к духовной и интеллектуальной сфере ничуть не противоречит известная фраза Маркса, ставшая афоризмом, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Для материалиста идеи, идеологии - всего лишь инструмент достижения материалистических же целей. Неслучайно в марксистско-ленинской "теории базиса-надстройки" не только идеология и политика, но даже государственность - не самоценности, а продукты экономической детерминации. Здесь - корень антигуманистической сущности марксизма. Как писал, например, Б. Вышеславцев, "материализм Маркса обращается у него в презрение к людям. Да и почему, в самом деле, благоговеть перед потомками обезьяны?" [Вышеславцев, 1994, с. 178].

Итак, в марксистском понимании революции - что-то наподобие естественных лесных пожаров, посредством которых природа освобождается от старых деревьев и расчищает место для новых. Но в марксизме есть и свой "конец истории" (то есть прекращение смены формаций, а соответственно, и революционных потрясений). Это - коммунизм, на "вышей стадии" которого будет создано бесклассовое общество и больше не потребуется государство как "машина для подавления одних классов другими".

Таким образом, исторический материализм видит "код истории" лишь в определенной конфигурации экономических отношений. Тем самым он *предопределяет политический монизм, безоппонентную политическую систему* (которая, впрочем, в строгом смысле уже и не может считаться политической). Логика безоппонентности проста: поскольку идеи, ценности, мировоззрения ("весь этот идеалистический вздор") зависят от производственных отношений ("надстроены" над "базисом"), постольку не должны противоречить материальной основе. А если противоречат, значит стремятся подорвать, изменить базис. Тут, впрочем, у марксизма вновь не обошлось без лукавства. Ведь, как рассуждает марксистская философия, *в антагонистической формации* "создаются новые идеи, учреждения и организации классами, заинтересованными в ее ликвидации. Эти надстроечные элементы не входят в господствующую надстройку, которая стремится их подавить или по крайней мере ограничить сферу их влияния". Другими слова-

ми, "в эксплуататорском обществе" в норме классовая борьба. А вот "в социалистическом обществе, где экономический базис *лишен антагонизмов*, надстройка становится все более однородной в социальном отношении, способной служить прогрессивному развитию общества и его базиса" [Философский... 1980, с. 29]. Но раз нет антагонистических противоречий, значит, не может быть и оппонентов. А те, кто критикует какие-либо элементы "базиса и надстройки", - *не оппоненты, а враги* "прогрессивного развития общества и его базиса". Не случайно в Конституции СССР 1977 г. и слепках с нее - конституциях всех союзных республик, появившихся в 1978 г., в статьях о "политических свободах" присутствовали оговорки: "в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя", "в соответствии с целями коммунистического строительства" и т.д. Проще говоря, коль скоро "базис" может быть один в "данной формации", значит, может быть и лишь один соответствующий этому "базису" набор идей, представлений, ценностей. Признать легальное присутствие и циркуляцию иных идей, мнений, ценностей, мировоззрений - значит разрушать "базис", то есть основу, в понимании марксизма, всего общества.

Вот эта сущностная черта марксистского понимания власти⁵ довлеет над всей нашей постсоветской социальной и политической практикой⁶. Она, среди прочего, **обуславливает и институциональное пренебрежение (как минимум, пренебрежение) к факту существования в стране многочисленных носителей совершенно разных мировоззренческих взглядов и ценностных предпочтений.**

* * *

Каждый человек волен считать, что все причинно-следственные связи в этом мире имеют материалистическую природу; что слова Спасителя, сказанные Им в пустыне дьяволу: "...Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих" (Мат. 4,4), и есть тот самый "идеалистический вздор". Беда для общества приходит тогда, когда сторонники одного мировоззрения, одного набора ценностей так обустроивают всю государственную жизнь, что все иные мировоззрения, ценностные предпочтения и основанные на них позиции, мнения либо считаются враждебными ("антигосударственными") и потому их носители подлежат уничтожению, либо просто игнорируются.

Речь идет не об особенностях методологии какой-то одной конкретной политической силы, а - о **философии единовластия**, исповедуемой обществом в целом. Смысловое ядро этой философии - восприятие власти как *полновластия*, а в пределе как безраздельного правления, как абсолютного суверенитета властвующего. Это не значит, что полновластие зиждется лишь на факте обладания властью. Любой властитель желает легитимности, то есть ищет подтверждения своего права на единовластие. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, "следует различать захват власти и саму власть. Правление - это нормальное осуществление своих полномочий. И опирается оно на общественное мнение - всегда и везде, у англичан и у ботокудов, сегодня, как и десять тысяч лет назад. Ни одна власть на Земле не держалась на чем-то существенно ином, чем общественное мнение" [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 119].

Даже в традиционном обществе, где потребности еще не доросли до уровня осознаваемых интересов и где люди примерно одинаково воспринимали мир, даже там не было единой позиции по всем вопросам. Тем более этого нет в современной цивилизации. А нередко (особенно в обществе переходного типа) нет даже единого мировоззрения, еди-

⁵ Разумеется, она присуща не только марксизму, но любому тоталитарному учению и тоталитарной практике. Однако мы-то жили в среде марксистско-ленинских идей.

⁶ Маленькая, но показательная иллюстрация: в 2005 г. Президент РФ В. Путин на встрече с иностранными журналистами и политологами заявил: "В стране происходит экономический рост и рост доходов населения - это основа стабильности".

ной системы ценностей. И тогда властвующий моносубъект почти рефлекторно направляет свои усилия на создание хотя бы формального мировоззренческого единства: кто - с помощью репрессий и создания атмосферы страха, кто - с помощью пропаганды (что вполне сочетается и с репрессиями), кто - пытается представить дело так, что он (моносубъект) способен впитать в себя и выразить все основные ценности, позиции, мнения, характерные для разных групп и слоев населения.

* * *

Безусловно, и ст. 13 Конституции РФ, провозглашающая идеологический, политический плюрализм, и конституционные положения о свободе мысли, свободе слова, свободе творчества и т.д., все это - гигантское демократическое завоевание, особенно на фоне подавления идейного, не говоря уже о политическом, разнообразия в советскую эпоху. Конечно, властные структуры (пока) особенно не подавляют иные ценности, идеи и прочее. Но ведь официально и не принимают всерьез. Да и массовой трибуны для их распространения фактически нет. И весь *идейно-политический плюрализм превратился всего лишь в индивидуальную форму самоутверждения*. Интеллектуальная элита, когда желает подчеркнуть свой демократизм и толерантность, любит щеголять вольтеровскими словами о готовности отдать жизнь за право оппонента высказывать взгляды. Но принципиально здесь то, что **все это находится в пространстве частной, а не политической жизни**.

Таким образом, выталкивание из системы власти, системы принятия государственных решений "мелких" политических сил *противоречит смыслу ст. 13 Конституции*, которая, между прочим, говорит не только об идеологическом, но и о *политическом* многообразии.

Дело, однако, не только в том, что нарушен один из основополагающих демократических принципов, но и в том, что такое нарушение создает иллюзорность стабильности государства. Господство философии единовластия порождает порочный круг: оппоненты (неважно, легальные или нелегальные) направляют свои усилия лишь на то, чтобы *занять место моносубъекта*, то есть править "лучше", но также единовластно. Таким образом, создается опасный потенциал для потрясений. Ведь вопреки марксистскому взгляду вся история демонстрирует, что революции происходят не из-за того, что производственные отношения вступают в противоречие с производительными силами, а вследствие того, что актуальные интересы, ценности и мировоззренческие позиции легально не представлены в политике либо представлены лишь формально. Если же и создается острое общественное противоречие, то оно вызывает революцию (во всяком случае, порождает радикализм) как раз из-за того, что не оказалось инструмента согласования интересов, ценностей, идей и т.п. Это едва ли не самая серьезная угроза российской государственности, ибо рано или поздно **закупоренные каналы представительства взрывают государство, как паровой котел, в котором нет клапана**.

Разорвать этот порочный круг можно лишь путем институциональной перестройки политической системы. Здесь я не говорю о ее конкретных пороках, а только констатирую: она устроена таким образом, что консервирует патриархальный взгляд на власть, как власть персоналистскую. Если при господстве такого принципа и возможны смены субъектов власти (хотя не случайно страна всякий раз съезживается, замирает от непредсказуемости как самого факта смены, так и политического лица нового главы государства), то такая "конкуренция" не служит формированию механизма политической ответственности, а только продуцирует общественную усталость от подобных смен и, следовательно, рано или поздно востребует институт неограниченного сроками легислатуры "любимого руководителя".

Институциональная перестройка системы власти, конечно же, должна *учитывать* историческую инерцию персонализма в России. Но *учитывать* - не в смысле потакания ей, а в смысле построения системы, позволяющей более радикально уйти от персоналистского мировоззрения. Я бы сказал, что именно России нужна идея **пестования**

разнообразия. В этом смысле нам уже мало подходит сформировавшаяся в мире модель демократии, которая тоже стремится к крупным политическим субъектам, считая, что излишнее разнообразие таких субъектов наносит ущерб системе власти.

Я же пытался доказать необходимость обратного - нельзя выталкивать из политики даже небольшие политические силы. Пусть при этом усложняется процесс принятия государственных решений. Но зато участие в этом процессе разных политических сил делает совокупную политику гораздо более взвешенной и предопределяет такую взвешенность на стратегическую перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Политика // *Платон, Аристотель.* Политика, Наука об управлении государством. М. - СПб., 2003.

Бунтман С. У каждого свои воспоминания // Интернет-издание "Ежедневный журнал". 2005. 10 октября (<http://ej.ru/comments/entry/2035>).

Варламова Н. В., Пахоленко Н. Б. Между единогласием и волей большинства (политико-правовые аспекты консенсуса). М., 1997.

Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // *Этика преображенного эроса.* М., 1994.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н. В.* Соч. Т. 6. М., 1986.

Ильин И. А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996.

Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.

Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 2. М., 2001.

Краснов М. Конституционная монархия и демократическая государственность России // *Россия на рубеже тысячелетий.* М., 2000.

Краснов М. Конституционная монархия спасет демократию // *Независимая газета.* 1989. 9 сентября.

Лассаль Ф. О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании в 1862 г.) // *Сочинения Фердинанда Лассаля.* Т. 2. СПб., 1905.

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М., 1980.

Мау В. Демократия должна себя защищать // *Известия.* 1999. 14 мая.

Новгородцев П.И. Демократия на распутье // *Новгородцев П. И.* Соч. М., 1995.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

Осовцов А. А. Лица, которые мы выбираем // Интернет-портал "Грани". 2005. 1 декабря. (<http://grani.ru/Society/p.97562.html>).

Святитель Василий Великий. Избранные поучения. М., 2003.

Философский словарь. М., 1980.